

Сию я с этой бумажкой, смотрю на нее тупо так, а в голове — ни одной мысли. Потом поднялась, стала на занятия собираться. Решила, что звонить ей не буду — пусть и для меня это будет случайный эпизод. Да и что бы я ей сказала? Она даже имени моего не знает. Она и двух фраз мне не сказала, ни о чем не спросила — как будто это норма — вот так трахнуть человека, сунуть ему в карман визитку, мол, захочет — позвонит. Хотя, может, и норма — для нее. Я же ее совсем не знаю. Она даже мой номер не спросила. И что она думала — что я кинусь ей звонить и умолять о свидании?

Я решила, что не буду думать о ней, буду жить так, как будто ничего не случилось. Решить-то я решила, а вот как это осуществить — остался большой вопрос. Несмотря на дважды принятый душ, мне казалось, что я все еще чувствую ее запах — сигарет и как будто мокрой свежескошенной травы. Да что там запах — мне постоянно казалось, что я еще чувствую ее руки на моей груди, в моих волосах, ее губы на моих губах, стоило закрыть глаза — и я прямо чувствовала ее дыхание на своей коже, ее пальцы внутри меня, слышала ее шепот: «... Кончай, кончай... Я хочу, чтобы ты кончила...»

Ужас просто. Нужно поговорить с кем-нибудь, отвлечься как-то. Тут в дверь позвонили. Через минуту мама заглянула в комнату.

— Там к тебе Сережа пришел. Принес твою сумку — говорит, ты ее в университете забыла вчера.

— Да.

— Ты себя хорошо чувствуешь? Какой-то румянец у тебя нездоровый.

— Нормально.

— Ладно. Я на работу. Не забудь — мы уезжаем ночью.

— Помню. Ты вещи-то собрала?

— Какой там... Все в последний момент. Поможешь?

— Конечно.

У родителей случилась двадцатая годовщина свадьбы, по этому поводу была запланирована поездка во Францию на две недели. Причем о поездке известно уже давно, а мама, как всегда, со сборами дотянула до последнего.

— Ладно, иди, а то совсем ничего не успеешь.

— Да-да, все. Пока.

В комнату вошел Серега, сходу обнял меня, приподнял, стал целовать, потом поставила на пол и стал стаскивать с меня одежду.

— Мы опоздаем.

— Я быстро, — засмеялся он.

Он, действительно, как-то молниеносно сдернул с меня всю одежду. Я попыталась расстегнуть его рубашку, но он оттолкнул мои руки и стянул ее через голову. Толкнул меня на диван, сбросил джинсы, трусы и одним движением воткнул в меня член.

— Ого, какая ты тут мокренькая уже, — прошептал он, и стал сильно и быстро двигаться во мне. Он как-то странно сильно был возбужден.

А у меня, похоже, башню снесло окончательно. Стоило мне закрыть глаза — тут же начинало казаться, что это она трахает меня, стискивает мою грудь, сжимает и приподнимает мою

попку. Но потом я открывала глаза — и видела его. Я была почти уверена, что чувствую ее запах... И тут он наклонился к моему уху и прошептал:

— А ты заметила, как на тебя вчера та лесбиянка пялилась? Как будто съесть хотела.

Меня как будто окатили горячей, и тут же сразу холодной водой. Я вскрикнула и почувствовала, как внизу у меня все сжалось и взорвалось. Через секунду он дернулся и тоже кончил.

— Что это за чушь про лесбиянку? — спросила я, выбираясь из-под него. Он попытался меня удержать, но я увернулась.

— Ничего не чушь, — он перевернулся на спину и смотрел, как я одеваюсь, — Ну помнишь, баба такая с черными волосами. Такими... — он изобразил что-то, видимо, означающее растрепанные волосы, — Она просто глаз с тебя не сводила. У нее слюни на тебя текли — это очевидно.

— Ну ты и дурак.

— Да серьезно. Она с тобой не пыталась заговорить?

— Когда? Я же ушла раньше.

— Так она тоже выходила, когда ты вышла.

— Да? Не видела ее.

— А я уже думал — она приставала к тебе.

— С чего ты вообще взял, что она лесбиянка? И вообще, ты долго тут валяться будешь? Мы опоздаем.

Он вскочил и стал одеваться.

— Да лесбиянка она — это точно. Зуб даю.

— Зубы побереги. — буркнула я.

— А знаешь, мне это даже приятно было — что она так на тебя запала.

— Почему?

— Ну знаешь, мне вообще приятно, что ты всем нравишься — и мужикам, и женщинам вот. И при этом ты — моя.

Я даже кеды шнуровать перестала.

— В смысле? Что значит — «твоя»?

Он смутился.

— Ну, моя девушка. Ну, я имел в виду, что ты со мной, а не с ними.

— А как ты думаешь, я могу оказаться тоже лесбиянкой?

Тут уже он бросил одеваться и вытаращил на меня глаза.

— Чего? — он заржал просто, как ненормальный.

— Ну а что? Пока не попробуешь, наверняка не узнаешь.

— Давай, давай. Мне нравится ход твоих мыслей.

— А ты-то тут при чем?

— Ну как, ты что, не знаешь, что мужчин лесбиянки очень возбуждают?

— По-моему, это личные трудности мужчин, — отрезала я, — ты долго будешь копать?!

Он замолчал и дулся полдороги до университета. Оживился только, когда я спросила:

— Так кто она такая, эта девушка?

Мне хотелось узнать о ней хоть что-нибудь. Но оказалось, что он тоже ничего толком не знает. Сказал, что, вроде как она аж из Бостона, из какой-то медицинской конторы. Что-то там, связанное, с медицинскими приборами какими-то. Ничего больше от него добиться не

удалось, но он успокоился, разговорился, и, похоже, забыл, что обижался на меня.

Весь день в универе преподавы выносили нам мозги приближающейся сессией. У меня по паре предметов замаячили автоматы, но чтобы их получить, придется выполнить кучу дополнительных заданий.

После занятий сразу пошла домой — нужно было помочь маме, как обещала. Несколько часов прошли в нереальной суматохе и беготне. Наконец, зашел папа, и сказал, что машина ждет у подъезда. Еще несколько минут они по очереди целовали меня и раздавали указания.

— Не забывай ключи!

— Не питайся сухомятку!

— Если что — звони!

Наконец, они закрыли за собой дверь, и в квартире сразу стало тихо-тихо. Я подошла к окну, помахала им, посмотрела, как такси выезжает из двора и еще некоторое время постояла, прижавшись лбом к стеклу.

Потом, зачем-то, несколько раз прошла по всем комнатам, не включая свет, и достала из кармана телефон и карточку с номером. Чего было дальше выделываться? Я сразу знала, что позвоню. Может, это как-то патетично прозвучит, но я действительно чувствовала, что сделаю все, что угодно, отдам все, что у меня есть, чтобы ее еще раз увидеть. И тут телефон заорал у меня прямо в руке.

— Да...

— Аня?

— К-кто это?

— Ты вообще мне звонить собиралась?

Она говорила спокойно, негромко. Мне показалось, что голос какой-то полусонный.

— От-откуда...

— От-оттуда... — передразнила она, — записывай адрес...

Она назвала адрес, и, глубоко вздохнув:

— Приезжай.

И трубку положила.

Щеки у меня пылали просто. Я швырнула телефон в кресло.

— Это черт знает что такое! Я ей что — девочка по вызову?! Да я ее не знаю совсем. Ага, сейчас, я, конечно, сорвалась и побежала!

На последней фразе я обнаружила себя влетающей в душ...

Через полчаса, причесанная и одетая, я, нервно притопывая уже обутой ногой, опять торчала у окна — ждала такси.

Зазвонил мобильный и, одновременно с ним, домашний телефон. Я посмотрела на экран — Серега. Сняла трубку домашнего.

— Машина у подъезда.

Мобильный все надрывался. Я открыла ящик стола, бросила туда орущий телефон, задвинула ящик и вышла из квартиры.

Через 20 минут я уже ждала лифт в огромном холле нового дома. Такие дома любят называть «элитными». Ну такой, знаете, со шлагбаумом и охранником, который строгим голосом спрашивает, в какую вы квартиру приехали. Я назвала номер — он как-то странно заинтересованно на меня посмотрел и такси пропустил.

В общем, когда я добралась до квартиры, меня уже от страха изрядно трясло и

подташнивало. Минут 5 я не решалась позвонить в дверь — стояла и мялась, как школьница, и, когда уже решила, что все это было дурацкой идеей и надо ехать домой, дверь открылась.

— Не пойму, ты решила сбежать, или остаться?

Я шагнула в квартиру, она пропустила меня и закрыла дверь у меня за спиной.

— Не бойся.

— Я не боюсь!

— Да ну... — расхохоталась она, и тут же, тихо — Ты себе губу до крови искусала.

Прямо напротив меня висело большое зеркало. Я увидела себя, бледную, на губе, и правда. Выступила кровь; и ее, стоящую за моей спиной, на расстоянии вытянутой руки. Я машинально облизала губы и чуть поморщилась. Она поймала мой взгляд в зеркале и шагнула ко мне.

— Больно?

Я повернулась к ней.

— Больно.

Она провела пальцами по моему лицу, обвела губы, а потом наклонилась и языком прикоснулась к моей нижней губе. Я замерла. Она поцеловала меня — сначала нежно, едва касаясь, потом вздохнула, сделала еще крошечный шаг, и прижалась ко мне всем телом, зубами прикусила мою губу.

Я потянула с нее майку. Она покорно подняла руки, позволяя снять ее. И тут же перехватила инициативу — толкнула меня на пол, сдернула с меня рубашку, расстегнула мои джинсы.

— Сейчас, малышка, — прошептала она мне в ухо и стянула с меня джинсы вместе с кроссовками. Но я хотела другого. Я толкнула ее в плечо, мы перекатились и я оказалась сверху. Она хотела что-то сказать, но я поцеловала ее, потом еще раз, и еще, теперь уже мой язык был у нее во рту, я расстегнула молнию джинсов, сунула туда руку — похоже, нижнее белье она сегодня игнорирует начисто. Я погладила ее живот, такой твердый, гладкий и горячий, спустилась ниже. Она дернулась и замерла, глядя мне в глаза. У нее там почти все было гладко выбрито, только на лобке было немного шелковистой шерстки. Очень хотелось посмотреть, какого она цвета, но не было сил оторвать от нее руку хоть на секунду. Я двинулась дальше, пальцы сразу нашли клитор. Она опять дернулась, запрокинула голову и застонала. Я поцеловала эту прекрасную шею, улыбнулась в ее распахнутые глаза и сказала ей в ухо:

— Сейчас, девочка моя.

Ответом мне было что-то среднее между улыбкой и болезненным оскалом.

На каждое мое прикосновение к ее клитору она отвечала коротким судорожным вздохом сквозь плотно сжатые зубы. Мои пальцы двинулись дальше — к горячему и влажному входу. Она зарычала, схватила мою руку, и подтолкнула, направляя ее внутрь. Я почувствовала, как мои пальцы буквально втягивает в себя ее горячее отверстие. Там, внутри нее все было таким гладким, просто атласным, таким горячим, живым, и таким откровенно хотящим меня, что я почувствовала, как моя рука начинает двигаться как бы сама по себе, она вбивалась в нее сильно и медленно, а низу моего живота все нарастала и нарастала та же горячая болезненная волна, что и вчера. Она, не открывая глаз, не переставая издавать все эти прекрасные низкие звуки, схватила меня руками, приподняла, и посадила верхом на свое бедро.

Оно было горячим, и, тоже, влажным. Моя промежность оказалась плотно прижатой к ее бедру. Не прекращая трахать ее, я стала скользить двигаться по ее бедру и почти сразу

почувствовала, что все, кончаю.

Я наклонилась вперед, и, уже чувствуя первые волны оргазма, сжала зубами ее маленький твердый сосок. Она выгнула спину, влагилице ее судорожно сжалось, раз, другой, и она, одной рукой крепко сжав мою попку, другой обняла меня за шею и притянула к себе.

Так мы лежали какое-то время — я — на ней, моя рука — в ней, потом ощущение реальности вернулось ко мне и я подняла голову. Она лежала подо мной и с интересом на меня смотрела. Я скорчила рожицу, мол, прошу прощения, и медленно вытащила руку из нее, из ее джинсов. Она прикусила губу, но ничего не сказала и взгляд не отвела. Я поднесла руку к лицу. Пальцы мои пахли изумительно — ею, мной, сексом, жизнью, в общем, не знаю, как это описать. Я лизнула руку. Она прищурилась:

— Ну как?

— Лучше ничего в жизни не пробовала. А ты как?

— Чувствую себя оттраханной.

— И как оно?

— Лучше ничего в жизни не пробовала.

Мы захохотали и я легла на спину рядом с ней.

— Тебе лет-то сколько? — спросила она, протянув руку к низкому столику, на котором лежала пачка сигарет.

— Восемнадцать.

— Ладно, хоть так... Выглядишь ты на шестнадцать от силы. Ты из вундеркиндов что ли?

— А что, тебе настолько хорошо было?

— Ха-ха... Ну ты же на третьем курсе?

— Уже почти на четвертом.

— Да, точно, май месяц — сессия скоро. Хорошо ты к ней готовишься.

— Да, мне тоже понравилось.

— Что же мне с тобой делать?

— По-моему, ты уже кое-что сделала.

Она затынулась, покосилась на меня, и ничего не ответила.

— А что бы ты вчера делала, если бы я оказалась не лесбиянкой?

Она подавилась дымом и закашлялась.

— А ты оказалась лесбиянкой?

— Ну а как? Я тут лежу на полу, голая... С голой женщиной. И мы только что занимались сексом. Это что, ничего не значит?

— На самом деле, это почти ничего не значит. Это не говорит о твоих сексуальных предпочтениях. Это и о моих-то сексуальных предпочтениях ни черта не говорит. На самом деле, когда я тебя вчера увидела, я впервые подумала, что, может, я и не лесбиянка вовсе.

— Я тебе настолько не понравилась.

— Дура. Нет. Я только сегодня смогла эту мысль сформулировать, как-то выразить это словами — до этого были просто эмоции. Суть вот в чем — когда я тебя увидела, я поняла, что мне, впервые в жизни, не важно какого ты пола.

— То есть, будь я мальчиком...

— Да.

— Но ты же меня не знаешь совсем... Я хочу сказать, любить мою бессмертную душу ты не можешь.

- Думаешь?
- Ну-у-у, это уже эзотерика какая-то.
- Называй, как хочешь.
- Я хочу — «любовь с первого взгляда».
- Ты — нахальная малолетка.
- Сколько тебе лет?
- 32.
- Ничего себе...
- Это еще что значит?
- 25 — максимум.
- Ладно, нахальность — беру обратно.

Она раздавила окурок в пепельнице, вскочила на ноги и потянула меня за руку.

- Куда? — мне казалось, что я еще долго не смогу шевелиться.
- В душ. А потом поедем проверять, лесбиянка ли ты. — она хитро улыбнулась, и я не смогла удержаться от ответной улыбки.
- Ты хочешь отдать мня на растерзание толпе озабоченных теток?
- С твоим растерзанием я справлюсь и сама.
- Тогда что...
- Увидишь.

Продолжение следует. Может быть...

E-mail автора: alisewon90@gmail.com